

УДК 94(47)

ЛИКВИДАЦИЯ ОБЩИНЫ – ПУТЬ К РАЗВИТИЮ КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ УДМУРТИИ)

Войтович В.Ю.

Ижевск, e-mail: gimu4282@inem.uni.udm.ru

В статье рассмотрена роль общины в реализации колхозного движения на местах. Показано, как она влияла на реализацию политических решений Центрального Комитета партии и Советского правительства. Раскрыто, что в основе борьбы за реализацию колхозного движения на местах являлось ликвидация общины, которую возглавляли авторитетные лица, т.е. зажиточные крестьяне, исправно ведущие свое хозяйство. Возглавляя Советы, они препятствовали проведению колхозного движения на местах, проводили веками устоявшиеся традиции общинного хозяйства, и только ликвидация общины позволило всесторонне и в полном объеме организовать в стране колхозное движение.

Ключевые слова: общинное самоуправление, всемерное развертывание коллективизации сельского хозяйства, борьба за Советы – проводников политики партии и правительства на местах

LIQUIDATION OF COMMUNITY – THE WAY TO THE DEVELOPMENT OF THE COLLECTIVE-FARM MOVEMENT IN RUSSIA (ON MATERIALS OF THE UDMURT REPUBLIC)

Wojtowicz V.Y.

Izhevsk, e-mail: gimu4282@inem.uni.udm.ru

The article considers the role of the community in the implementation of the collective-farm movement in the field. It is shown how it affects the implementation of the policy decisions of the Central Committee of the Party and the Soviet government. It is disclosed that at the heart of the struggle for the realization of the collective-farm movement in the field is the elimination of the community, which is headed by authoritative persons, ie wealthy farmers, regularly leading his farm. As head of the Soviets, they impede the collective-farm movement in the field, carried out by centuries old traditions of communal farms, and only allowed the elimination of the community in a comprehensive and fully organize the collective-farm movement in the country.

Keywords: communal self-government, all-round deployment of the collectivization of agriculture, the fight for the Soviets – conductors party politics and government in the field

30 декабря 1928 г. Областной Суд Вотской (Удмуртской) автономной области [1], по Уголовно-судебному отделению в открытом судебном заседании г. Ижевска, в составе председательствующего председателя Областного Суда П. Васильева и очередных народных заседателей В. Абдасова и К. Бездкиева, приговорил к различным годам лишения свободы по ст. 58, 109, 110, 111 Уголовного кодекса РСФСР 10 человек. Все они были удмуртами, жителями д. Лудорвай, дер. Лудзи-Непременной, с. Юськи [2].

Основанием судебного приговора явилось следующее:

– кулацко-зажиточная часть, указанных населенных пунктов, используя свое экономическое производство, зависимость бедноты, ее запуганность, забитость и неорганизованность, проводит в сельский Совет своих ставленников, которых в последующем, преступно использует для закабаления бедноты;

– в целях организации расправы над беднотой кулачеством были использованы, в качестве предлога, несколько случаев поправки озимых принадлежащих жителям села Юськи, деревень Лудзи – Непременной и Лудорвай. На основе, которой была совершена массовая порка крестьян под

видом мирского наказания за неисправные полевые изгороди [3].

Таким образом, Лудорвайское дело явилось той последней «каплей», которая породила масштабную борьбу за ликвидацию общины («Кенеш»), «Кулачества» как класса, общинных Советов и в целом общинно-самоуправления в России [4]. При разбирательстве уголовного дела Областной суд не учел вековые традиции общинного самоуправления, правовое закрепление которого на территории административно – территориальных единиц можно проследить на протяжении длительного периода развития российского государства. Примером самостоятельного решения населением большинства вопросов местной жизни служила крестьянская община как в русской так и в национальной деревне, в которых, в отличие от города, самоуправление строилось без сословного деления. Мир или сельское общество существовали на протяжении многих веков, традиции которого передавались из поколения в поколение, контролируя различные стороны жизни своих членов, начиная с севооборота и брачно-семейных отношений и заканчивая полицейско-судебными и фискальными функциями.

Изначально решения принимались на основе норм обычного права, но в XVIII–XIX вв. происходит процесс письменной регламентации прав и обязанностей сельского общества (общины).

Первоначально общеобязательных норм для устройства самоуправления крестьянской общины не было, и быть не могло в связи с преобладанием помещичьего землевладения. Однако во второй половине XVIII в. роль мирского схода в раскладке податей и повинностей регламентировалась различными «уложениями» и «инструкциями», даваемыми крупными землевладельцами управляющим своими имениями для руководства. Известны такие инструкции графа Румянцева, Строганова, Орлова [5].

Императрица России Екатерина II даровала право самоуправления государственным крестьянам Екатеринославского наместничества. Это был первый опыт государственного закрепления института крестьянского самоуправления. Сельское общество объединяло от 500 до 1000 крестьянских дворов. Его органом был общий сход, на котором производились выборы сельского старосты и раскладчиков податей. Сход был наделен правом обращения к губернатору о местных нуждах.

При императоре Павле I было организовано самоуправление удельных крестьян, которые выделялись из общего числа казенных, согласно Учреждению об императорской фамилии, для содержания членов правящей династии. Крестьянскому самоуправлению в данном документе была посвящена глава 8. Каждые три тысячи крестьян составляли волость, для управления которой они избирали особый орган – приказ, состоявший из приказного, двух старост и писаря. Экспедиции Департамента уделов, созданные этим же документом, не должны были вмешиваться в дела крестьянского самоуправления. «Всякое разбирательство внутреннего сельского дела, выбор начальников, поставка рекрутов и подобное оному от управления сих экспедиций должно быть чуждо, и для того всякое участие до внутренности тех сельских дел экспедициям наистрожайше воспрещается» [6]. В первой четверти XIX в. в правительстве неоднократно поднимался вопрос об освобождении крестьянства от крепостной зависимости, однако обсуждение его в различных комитетах и комиссиях не дало желаемого результата. Единственным документом, направленным на уничтожение крепостного права, стал Указ «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключению условий на обоюдном согласии» [7], более известный в исторической литературе как

Указ о вольных хлебопашцах. Однако этот документ не предусматривал органов самоуправления для вновь образуемого состояния свободных хлебопашцев [8]. Надо полагать, что освободившиеся крестьяне оставались частью общины и участвовали в общинном самоуправлении наряду с другими категориями крестьян.

Кризис феодально-крепостнической системы вынудил самодержавную власть провести в 1837 г. еще одну реформу управления государственными крестьянами: для этих целей было учреждено Министерство государственных имуществ [9]. Необходимо отметить, что организатором указанных реформ был ближайший советник императора – граф, русский государственный деятель, инициатор создания Государственного совета (1810 г.), М.М. Сперанский. В 1826 г. он возглавил 2-е отделение по кодификации законов.

Государственные крестьяне получили новые формы организации самоуправления: волостное (сход, правление, староста) и сельское (сход и староста), которые осуществляли ряд полицейских и судебных функций, а также вели дела по врачебному благоустройству, народному продовольствию, обеспечивали противопожарные мероприятия, проводили сбор податей и отправление повинностей, прежде всего рекрутской. Деятельность крестьянского самоуправления проходила под опекой местных органов Министерства государственных имуществ и МВД.

Крестьянская реформа 1861 г. сохранила органы самоуправления, созданные в 1837 г. для государственных крестьян, распространив их деятельность на все сельское общество – основную единицу сельского управления [10].

В таком виде крестьянское самоуправление просуществовало до 1917 г. Несмотря на попытки правительства П.А. Столыпина уничтожить крестьянскую общину, большинство крестьян оставалось тесно связанными с миром (общинной) через систему круговой поруки, сложившейся на протяжении многих веков. Фактически, как подтверждают архивные материалы, сельская община, в основном, была ликвидирована в 20-е годы XX столетия. Основой тому послужили Лудорвайские события (1928 г.) в Удмуртии [11].

Лудорвайские события 1928 г., а также роль «Кенеша» в жизни удмуртского народа всесторонне изучены и обобщены историками Удмуртии [12]. Однако указанные работы не касаются государственно-правовых проблем, разработка которых, несомненно, дело юридической науки. Поэтому, несмотря на обилие материала посвященного

Лудорвайскому событию, вопросы, касающиеся последствий ликвидации «Кенеша» в Удмуртии и в целом общинного самоуправления в России, роль этого явления в утверждении Советской власти и на этой основе торжество партийно-государственной политики на местах до сих пор недостаточно исследованы.

Каковы же причины ликвидации «Кенеша», то есть Совета общины? Рассматривая данный вопрос, необходимо отметить, что еще накануне Октября 1917 г. Г.В. Плеханов отмечал, что он опасается того, что революция свершившись в обществе, где рабочий класс не составляет большинства, приведет к установлению не диктатуры пролетариата, а диктатуры личности и Россия на долгие годы погрузится в политический мрак, а потом мучительно, десятилетиями будет выходить из этого мрака [13]. В.И. Ленин – основатель первого социалистического государства, брал за основу «атомистический» подход понятия государства. В соответствии с которым государство – противостоящий индивиду, отчужденный от него аппарат принуждения. При этом В.И. Ленин пояснял: «Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса». Таким образом, если есть государство, то за ним с неизбежностью скрывается классовый антагонизм. И это категорически подтверждал В.И. Ленин: «Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий... существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» [14]. Естественно возникает вопрос. Может быть он имел в виду не всякое, а только буржуазное, феодальное и рабовладельческое государство?, но и здесь В.И. Ленин был категоричен: «Всякое государство есть «особая сила для подавления» угнетенного класса. Поэтому всякое государство несвободно и не народно» [15].

Как показывают исследования, прогноз Г.В. Плеханова подтвердился, а теоретическая основа, выработанная В.И. Лениным, была претворена в жизнедеятельность общества, государства. Начало формирования диктатуры личности, или командно-административной системы необходимо вести от «военного коммунизма», когда партия большевиков поставила целью напрямую перейти к социализму на основе продуктообмена, без товарно-денежных отношений [16]. Развитию этих отношений способствовал экономический кризис, разразившийся на Западе в конце 20-х гг. Он вплотную приблизил, как считало советское руководство, Россию к войне, которая к ней была совершенно не готова, так как в стране от-

существовали целые отрасли промышленности, способные обеспечивать современную армию, не хватало квалифицированных рабочих и инженеров. Поэтому встал вопрос о скорейшей индустриализации, создании отечественных отраслей производства, средств производства и т.п. Требовалось не мало валюты для закупки современных машин и технологий, привлечения иностранных инженеров и техников, которую могло государство получить лишь продавая зерно. Однако, с одной стороны, экономическая ситуация привела к тому, что цены на него упали более чем в два раза, а с другой – внутри страны зерна было недостаточно. Так, к концу 1927 г. наряду с первыми успехами политики социалистической индустриализации появилось серьезное отставание сельского хозяйства, хотя оно в целом уже давало валовой продукции больше, чем до войны. Но валовая продукция основной отрасли сельского хозяйства – зерновой – составляла лишь 95% от уровня 1913 г., а товарная часть зернового хозяйства равнялась 13,3% против 26% до войны. Это объяснялось ликвидацией крупных помещичьих хозяйств, дававших прежде самое большое количество товарного хлеба, и резким сокращением производства хлеба «кулацкими» хозяйствами. Средняки и бедняки, ставшими основными держателями хлеба, давали всего 11% общей его продукции. Образованные колхозы и совхозы производили только 6% всего товарного хлеба [17]. «Кулаки» являлись держателем 20% товарных запасов хлеба. Они сделали попытку продиктовать свои цены и стали отказываться от продажи хлеба государству, перепродавая его городским спекулянтам, игравшим на повышении цен. Имея хозяйственный авторитет в деревне, и в вопросе о ценах они могли вести за собой середняка. В результате к январю 1928 г. образовался дефицит в хлебозаготовках в 128 млн пудов. Такое состояние зернового хозяйства не могло обеспечить растущую потребность страны в хлебе. Возможности мелкого раздробленного крестьянского хозяйства в повышении производительности труда оказались в основном исчерпанными. Анализируя этот период, Н. Верт отмечал, что уже в ноябре 1927 г. поставки сельскохозяйственных продуктов государству сильно сократились, а декабре положение стало просто катастрофическим. Партия была захвачена врасплох. Еще в октябре И. Сталин публично заявил о «великолепных отношениях» с крестьянством. В январе 1928 г. пришлось взглянуть правде в глаза: несмотря на хороший урожай, крестьяне поставили только 300 млн пудов зерна (вместо

430 млн, как в предыдущем году). Экспортировать было нечего. Страна оказалась без валюты, необходимой для индустриализации. Более того, продовольственное снабжение городов было поставлено под угрозу. Снижение закупочных цен, дороговизна и дефицит промтоваров, снижение налогов для беднейших крестьян (что извлекло их от необходимости продавать излишки), неразбериха на пунктах сдачи зерна, слухи о начале войны, распространяемые в деревне, – все это вскоре позволило И. Сталину заявить о том, что в стране происходит «крестьянский бунт» [18]. В этой обстановке и родилась идея насильственной коллективизации. В предисловии к роману Б. Можая «Мужики и бабы» академик В.А. Тихонов так поясняет это явление: «Речь шла фактически о хлебе. Более 80% валового урожая, три четверти всего товарного хлеба в те времена... давал уже середняк (то есть зажиточный крестьянин). В выступлениях И.В. Сталина того времени можно четко проследить логику его политики по отношению к крестьянству, которую он и не считал нужным вуалировать: стране нужен хлеб; этот хлеб теперь у среднего крестьянина. Крестьянин согласен отдать хлеб только в обмен на промышленные товары, которых у государства нет. Чтобы их иметь, надо развивать промышленность, а для этого нужен хлеб. Замкнутый круг! И надо разорвать его. Как? Мы не можем за бесценок взять хлеб у крестьянина, но... можем взять его у колхоза. Значит, надо немедленно объединить крестьян в колхозы, а по отношению к тем, кто сопротивляется, применить антикулацкие законы, для чего подвести зажиточных крестьян под категорию кулака...» [19].

Выход из создавшегося положения указал XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.). Он поставил в качестве первоочередной задачи партии и Советского государства всемерное развертывание коллективизации сельского хозяйства. Съезд обязывал партийные организации усилить борьбу с кулачеством, организовать работу среди батраков и бедноты, стоять на страже интересов батрачества, бедноты и середняков, поощрять их вступление в колхозы и на этой основе развивать дальнейшее наступление на кулачество. В резолюции «О работе в деревне» съезд отметил, что планово-регулирующая роль советского государства в области сельского хозяйства значительно усилилась [20].

Большая роль в проведении политики партии и Советского правительства, на местах, отводилась Советам. Конкретные задачи местных советских органов были определены наказом СТО, разработанным

В.И. Лениным в мае 1921 г. Наказ призывал местные советские организации и учреждения напрячь все силы и развернуть во что бы то ни стало широкую деятельность по всестороннему улучшению крестьянского хозяйства и подъему промышленности, строго выполняя новые законы [21]. Иерархическая система местных Советов устанавливалась конституциями союзных республик [22]. На протяжении всего советского периода истории России органы власти на местах, каковыми являлись Советы и их исполнительные комитеты, были звеньями единой государственной системы управления с высокой степенью централизации и субординации. Понятие «местное самоуправление» стало рассматриваться лишь применительно к организации власти в государствах Запада. Решения партии и правительства должны были стать программной деятельностью партийных и советских органов союзных и автономных республик, автономных областей.

Однако организация и деятельность сельских Советов не учитывала практический и теоретический опыт местного самоуправления веками формировавшийся жизнедеятельностью населения. Централизация государственной власти в Союзе ССР была несовместима с принципами народности и самоуправления. Все это стало благодатной почвой ликвидации общинного самоуправления в России, в том числе «Кенеш» в Удмуртии [23].

В истории России немало исследований, свидетельствующих о том, что народность и самоуправление всегда были присущи российскому государству. В различных исторических условиях самоуправление в российском обществе проявлялось в различных формах. Развитие общинного самоуправления происходило в период перерастания родоплеменных объединений в добровольные общности самостоятельных хозяев – древнерусские общины. Как основообразующие институты раннефеодального общества общины представляли собой самоуправляющиеся, автономные организации, обладающие административно-судебной самостоятельностью. Высшим органом управления общины были сходы (собрания) жителей, на которых решались важнейшие жизненные вопросы политические, экономические, социальные, организационные, правовые и т.п.

В Удмуртии, на основе местных национальных традиций, основным распорядительным органом в общине был сельский сход «Кенеш». Большинство вопросов на сходе решалось на основании норм обычного права (сям), решения «Кенеш» носили

обязательный характер. Они принимались большинством голосов и входили в юридическую силу если за них голосовало квалифицированное большинство (2/3) домохозяев. В некоторых случаях собрания заканчивались вынесением письменного решения общинной сходки – приговора. При этом исполнение приговора общинного собрания возлагалось на всех членов общины. В первую очередь, за претворение их в жизнь, отвечал выборный аппарат общественного управления – сельский староста, десятские, сотские и другие ответственные лица [24]. Необходимо также отметить, что Уставом об управлении инородцев разработанным М.М. Сперанским и утвержденным 22 июня 1822 г. императором Александром I была законодательно установлена система местного самоуправления. В параграфах 97 и 106 Устава предусматривались должности волостного головы и старосты общинного управления. Параграф 34 закреплял, что инородцы «управляются своими родоначальниками и почетными (авторитетными – В.В.) людьми, из коих и составляется их инородческое управление». Под названием суда «словесной расправы» Устав юридически узаконил суд старосты, основанный на обычном праве, что естественно касалось и удмуртов. Этот суд был призван прекращать «частные несогласия» между «инородцами» и мирить спорящие стороны на основании своих обычаев. Рассмотрению суда подлежали не только гражданские, но и уголовные дела, за исключением дел о преднамеренном убийстве, грабеже, насилии, хищении общественного имущества. Суд «словесной расправы» первой степени осуществлял управление деревней (общинной) параграф 125 Устава, который рассматривал все дела «инородцев» данной общины. Сельский сход общины функций суда «словесной расправы» не имел, но староста (уважаемый человек), его заместители могли решать споры на правах посредников. Решение дел посредниками (суд посредников) согласно параграфа 123 Устава допускалось при наличии обеих спорящих сторон. Решение имело юридическую силу и обжалованию не подлежало. Суд «словесной расправы» основывался на обычном праве, которое содержало различные юридические нормы, формы договоров, виды обязательств и т.д. [25].

В полной мере Устав имел юридическую силу у удмуртов до середины XIX в. В пореформенный период предпринимались неоднократные попытки изменить существующий порядок управления на местах. Особенно активно мероприятия по изменению Устава проводились в конце XIX –

начале XX веков. Однако у удмуртов он продолжал действовать до октября 1917 г., а бытовые традиции общины («Кенеш») до начала 29-х гг. XX в. [26]. Следует отметить и тот факт, что учет этнических, бытовых особенностей в указанный период был сведен к минимуму, а именно к решению организационных, бытовых, социально-экономических вопросов на основе права.

Партия и Советское правительство видели в сельских Советах проводников своей политики на местах. Однако слабость советов, представленных сельскими и волостными органами, состояла в том, что крестьяне, прежде всего, признавали общинное самоуправление, власть общинных сходов, которые в отличие от советских органов, не имеющих в рассматриваемое время своего бюджета, осуществляли практически руководство всей жизнедеятельностью общины, о которой говорилось выше. При этом возглавляли общины авторитетные лица, которые исправно вели свое хозяйство. Они, будучи выбранные в советы проводили политику не Центрального Комитета партии и Советского правительства на проведение всемирной коллективизации, а веками устоявшиеся общинные традиции, защищали крестьян от незаконных поборов.

Поэтому, когда началось всемерное развертывание коллективизации сельского хозяйства, «Кенеш» и в целом общинное самоуправление в России, стало основным тормозом проведения этой политики на местах.

Ярким свидетельством этому явилось Лудорвайское дело [27]. И когда это событие охватило Всесоюзный масштаб, так как стали писать о нем местные и всесоюзные газеты и центральные журналы: «Правда», «Известия», «Беднота», «Крестьянская газета», «Комсомольская правда», «Новая жизнь» (Ижевск), «Ижевская правда», журналы «Огонек», «Прожектор», «Активист» (Ижевск) и т.д., оно сразу же стало объектом всеобщего внимания. Действия, имевшие место в д. Лудорвай, Лудзи-Непременной, с. Юськи, рассматривались на общих собраниях рабочих, крестьян, партийных ячеек, Обкомах партии и ЦК ВКП(б) под лозунгами «отпор зарвавшемуся кулачью», «пресечь преступления мироедов», «вдохновителям порки не место в Вотской автономной области», «сплотимся вокруг партии», «настаиваем на суровом наказании главарей», «требуем сурового наказания организаторов порки» и т.д. [28]. «Ижевская правда» ежедневно освещая события связанные с Лудорвайским делом отмечала, что общественность всего Советского Союза, трудящиеся Вотской области с напряженным вниманием знакомилась

с материалами о Лудорвае. Резолюции крестьянских собраний указывают, что бедняцко-средняцкие массы единодушно признают, что порка носила классовый характер. Кулаки терроризируя бедноту, выступали против политики партии и Советского правительства, и в этом вопросе не может быть двух мнений. Только контрреволюционные элементы, люди, желающие укрепления кулачества, могут оценивать лудорвайскую порку, как бытовое явление. Ни в одном из шагов организаторов порки нет и намек на национальные традиции. Национальные традиции кулачество использовало, чтобы ими прикрыть свое сопротивление советской власти и партии, развернувшим наступление на кулака, на капиталистические элементы деревни. Вот почему лудорвайская порка привлекла внимание всей общестственности Союза ССР [29].

Используя всесторонние возможности для борьбы с кенешем, партия стремилась привлечь к осуждению лудорвайского дела лидеров национального движения. Так, в статье «Лудорвай и удмуртская интеллигенция», общественный деятель, широко известный удмуртский писатель Кузубай Герд писал, что среди групп удмуртской интеллигенции существуют настроения, сравнивающие лудорвайский процесс с мултанским процессом¹. И далее. На одиннадцатом году революции сравнивать лудорвайский процесс с мултанским процессом могут лишь самые отсталые и самые правые слои удмуртской интеллигенции. Подобным заявлением эта группа «народничающей» интеллигенции хочет как бы показать, что она «болеет душой» за «народ», за удмуртов, за возрождение и строительство удмуртской культуры. Но мы должны напомнить этой группе о том, что еще в 1919–1922 гг. эта группа не верила в возрождение удмуртов, выступала против родного языка в школах и учреждениях, была даже против организации Вотской автономной области.

Делая подобные заявления в настоящий момент, эта группа хочет выставить себя защитницей «народа» и тем самым повлиять на левую советскую удмуртскую интеллигенцию.

Со стороны действительно левой, революционной удмуртской интеллигенции эти заявления должны встретить решительный

¹ В Вотской автономной области у отдельных слоев населения, в том числе и членов партии, имелось мнение о фабрикации Лудорвайского дела в целях борьбы с кенешем и в целом ликвидации общины как тормоза проводника политики партии. Они свое мнение выражали теми традициями, которые имели место в Удмуртии на протяжении столетий. Однако ранее на общинное самоуправление никто не обращал внимание – В.В.

отпор. Не может быть сравнения между лудорвайским и мултанским процессами. Эти два процесса в две эпохи в общественном развитии удмуртов – это два диаметрально противоположных момента в их социально-экономической жизни.

Мултанский процесс – был процессом, сфабрикованным царским правительством, жандармерией и попами в целях подавления удмуртов, в целях умерщвления их национально-культурных идеалов, в целях окончательного уничтожения удмуртов, как и их национальных особенностей. Мултанский процесс – это столкновение самодержавия, империализма «христианской» государственной религии, столкновение поработителя с поработенными. Этот процесс – явление, искусственно сфабрикованное извне, чтобы сильнее эксплуатировать удмуртов.

В Лудорвайском же процессе мы видим совершенно обратное явление. Лудорвайский процесс никем извне искусственно не сфабрикован, этот процесс вырос в момент развертывания классовой борьбы в удмуртской деревне. Лудорвайский процесс – показатель того, что классовое разделение в удмуртской деревне имеется, что группы бедняков и кулаков ведут между собой борьбу.

Лудорвайский процесс показывает нам, каким образом бытовые особенности (например, существующий во время царизма «обычай» пороть и др.) используется кулаками в борьбе с беднотой и завоеваниями революции, в борьбе со строительством новой деревни. Классовой сущности лудорвайского процесса никоим образом отрицать нельзя. Этот процесс – это борьба нового творца (бедноты, батрачества) за новую удмуртскую культуру.

Пусть правая удмуртская интеллигенция ухитряется закрывать свои глаза, ухитряется не видеть сущности процесса. Мы призываем удмуртскую советскую интеллигенцию дать отпор заявлениям правого крыла удмуртской интеллигенции [30].

В тезисах утвержденных бюро Вотского Обкома ВКП(б) 23 апреля 1931 г. отмечалось: «Национальная буржуазия приспосабливается к новым условиям. Положение сельских сходов домохозяев способствовало к формированию легальности «кенеша». В этих условиях под прикрытием демократии «кенеш» выполняет миссию обороны национальной буржуазии от пролетарской диктатуры и дело организации контрреволюции в деревне. Недостаточный размах общественно-политической деятельности Советов и парторганизации, неокрепшая экономическая база советско-хозяйственно-кооперативных органов и прежние религиозные предрассудки масс оставляют поле

деятельности для использования родовых остатков кулачества удмуртской деревни в деле эксплуатации и угнетения масс... [31].

Все это ускорило проведение политики выработанной XV съездом ВКП(б). Свидетельством тому служило Всесоюзное совещание по вопросам улучшения руководства перевыборной кампанией в советы 1929 г., созванное Президиумом ЦИК СССР (Октябрь 1928 г.), которое указало на необходимость повысить руководство перевыборами в связи с резким обострением классовой борьбы, особенно в деревне. Таким образом, события имевшие место в д. Лудорвай (май 1928 г.) дополнительно, к сложившейся социально-экономической ситуации в стране, дали основание партии и Советскому правительству сделать вывод о ликвидации кулака как инородного класса, определив это резким обострением классовой борьбы. И.В. Сталин выступая с речью на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. отмечал: «теперь от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества как класса. Это значит, что мы проделали и продолжаем проделывать один из решающих поворотов во вей нашей политике» [32]. Продолжая дальше развивать данную концепцию И. Сталин отметил, что теперь в Союзе ССР имеется достаточная материальная база для того чтобы ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов [33].

Однако в действительности борьба шла не с кулачеством, а в последствии и с середняком, а с теми вековыми традициями, которые утверждались общинным ведением хозяйства, с Советом общины, который определяли как расцвет эволюционировавших родовых остатков. Считалось, что коллективизация деревни позволит подорвать экономические основы Совета общины, как органа кулачества, одновременно принять меры к предупреждению возможности проявления деятельности Совета во вновь организуемых колхозах, как следствие проникновения туда кулацких элементов и кулацкого влияния. На основе развертывания работы по организации бедняцко-средняцких масс добиться поднятия авторитета и работоспособности Советов и их комитетов как исполнительно-распорядительных органов Советской власти. В связи с этим проводилась разъяснительная работа среди беднейшего крестьянства о контрреволюционной роли Совета общины и принятии администра-

тивных мер по отношению к их «вожакам». В резолюции ЦК ВКП(б) по докладу Вотской партийной организации на местах ставилась задача о срочной проверке социального состава Советов, проработки вопросов о разграничении обязанностей сельских сходов и земельных обществ, подготовки к перевыборам Советов. В этих целях, во-первых, провести тщательную проверку низового советского аппарата, изгоняя оттуда все чуждые элементы. Во-вторых, наладить работу секций при сельских Советах и Вик(ах), а также работу с беспартийным крестьянским составом, вовлекая его в работу секций. В-третьих, через фракцию ОБиК прорабатывать вопрос о взаимоотношениях сельских Советов, земельных обществ и сходов и дать на места указания об обеспечении влияния сельских советов на работу сходов и земельных обществ в смысле правильного их направления. В-четвертых, в связи с организацией проведения перевыборов в Советы, организовать на местах смотр бедноты, который в первую очередь должен быть направлен на устранение в Советах и кооперативах влияния кулацких масс. Так как только при этом условии возможно оживление Советов, действительное осуществление ленинского кооперативного плана и массовый рост социалистических элементов в сельском хозяйстве [34].

Во исполнении резолюции Центрального Комитета Вотским областным комитетом было принято постановление направленное всем укомам, райкомам, волячейкам и всем членам партии Вотской областной партийной организации ВКП(б), в котором указывалось изгнать кулаков и подкулачников из Советов, отобрание у кулака излишков земли и лучших участков, массовое кооперирование бедняцко-средняцких масс. В реализации намеченных мероприятий было принято решение организовать смотр бедноты, при проведении которого должны были осветиться следующие основные вопросы:

1) участие бедноты и батрачества в работе Советов и коопераций;

2) работа групп бедноты в области развертывания колхозного строительства и проведению массовых советских мероприятий в деле подъема сельского хозяйства;

3) участие групп бедноты в культурном строительстве деревни (массовая культпросветработа, школьное строительство, сельхозпросвещение и т.д.);

4) роль групп бедноты в деле развертывания самокритики, чистки аппарата от разложившихся и классово-чуждых элементов, улучшение работы секций Советов;

5) роль групп бедноты по выдвижению активистов из батраков, бедноты и середняков в государственный аппарат и вовлечению бедноты и батрачества в советскую и кооперативную работу;

6) работа партийных ячеек по сплочению бедноты и руководству повседневной их деятельностью, участие в этой работе комсомола.

Одновременно со смотром групп бедноты Областной Комитет партии предложил в период с 20 декабря 1928 г. до 1 января 1929 г. провести волостные совещания и уездные конференции групп бедноты по вопросам:

- 1) о социалистическом переустройстве сельского хозяйства;
- 2) о землеустройстве;
- 3) о сельскохозяйственном кредите;
- 4) о кооперировании и коллективизации;
- 5) о проведении перевыборов в Советы;
- 6) работа по проведению смотра групп бедноты и проведению совещаний и конференций должна быть закончена к 15 января 1929 г. [35].

В проведении политики партии и Советского правительства активно использовались средства массовой информации. Так, в Центральной газете области «Ижевская правда» системно освещалось, что обострение классовой борьбы в деревне ставит большие задачи в деле социалистического переустройства деревни. Перед партийными, советскими, профсоюзными и общественными организациями с особенной остротой ставился вопрос об укреплении Советов бедняцко-середняцкими кадрами, об изгнании из них классово-чуждых и вредных элементов, об исключительном выдвижении батрачества, бедноты и лучшей части середняков. Это тем более необходимо, так как состав Советов и исполкомов Вотской области в очень высокой степени засорен чуждыми, кулацкими элементами, извращающими классовую политику партии и Советской власти. Перевыборная кампания Советов должна быть использована для широкого выдвижения удмуртской бедноты, батрачества и лучшей части середняков на руководящие должности в Советах. В результате предстоящих перевыборов мы должны получить бедняцко-середняцкий состав Советов, свободный от всяких чуждых влияний, способный проводить классовую линию в деревне. Да здравствует лозунг: «Долой кулачество и его прихвостней из Советов!» [36].

6 января 1929 г. в г. Ижевск по поручению Наркомата РСФСР прибыл Нарком по социальному обеспечению И.А. На-

говицин², который в своем выступлении отметил: «Я командирован Президиумом ВЦИКа для работы по проведению перевыборной кампании Советов и пробуду в Вотской автономной области полтора месяца. Президиум ВЦИКа командировал на места 55 членов правительства для оказания в помощи и в проведении перевыборной кампании с тем, чтобы обслужить все районы и ознакомить массы с работой правительства.

Наша задача – устранить из советского и кооперативного аппарата все чуждые, примазавшиеся элементы. Факты, обнаружившиеся в связи с лудорвайским делом: засилье кулака, зажим работы, овладение кулацкими элементами советским аппаратом – эти явления не единичны. Они указывают на обострение классовой борьбы в деревне.

В задачу перевыборной кампании в Вотской области входит достижение того, чтобы советский аппарат был действительно советским аппаратом, – в полном смысле этого слова» [37].

В целях реализации политической линии, под лозунгом очищение Советов от чуждых элементов, повсеместно проходили перевыборные кампании. В ходе которых, только в Удмуртии за 1929–1931 гг. значительно изменился социальный состав сельских Советов, что подтверждают следующие данные [38].

Состав сельских Советов в %	1929 г.	1931 г.
Рабочие и батраки	0,6	4,6
Бедняки	29,7	36,4
Женщины	10,1	13
Удмурты	51,9	58,8

² Иосиф Алексеевич Наговицин родился в 1888 г. в д. Туктым (Омутницы), Глазовского уезда, Вотской области. Сын крестьянина. Окончил Глазовское 4-х классное городское училище. В 1904 г. был исключен из подготовительного класса Вятского сельскохозяйственного училища за участие в забастовке учащихся. В 1905 г. вступил в Вятскую организацию РСДРП. С 1906 г. начал работать в Екатеринбургской окружной организации РСДРП, затем переведен в Кыштымскую окружную организацию РСДРП. В 1907 г. был арестован, осужден в конце 1908 г. по ст. 102 в ссылку на поселение. Был направлен в Кежемскую волость на Ангаре. В начале 1913 г. бежал за границу. Был в Бельгии, Франции и Англии, где его застала февральская революция. Работал на различных заводах чернорабочим и фрезировщиком. После февральской революции, при содействии эмигрантской комиссии, был направлен на лечение от туберкулеза легких в Швейцарию, где находился до конца 1918 г. Затем работал в г. Москва. В конце 1919 г. был назначен комиссаром по Вотским делам. Принял активное участие в образовании Вотской (Удмуртской) автономной области. В 1921 г. был назначен Председателем Вотского областного ревкома и в дальнейшем переизбирался Председателем Облисполкома всех составов до 1925 г.

Таким образом, обновление Советов бедняцким населением, сыграло важную роль в деле сплошной коллективизации, ликвидации «Кенеш» как органа управления общины в Удмуртии, в том числе общинного самоуправления в общесоюзном масштабе.

В результате указанных проведенных мероприятий, если в 1928 г. в стране имелось 33 258 колхозов, объединявших 416,7 тыс. хозяйств, уже в 1929 г. число колхозов возросло до 57 045, включавших до 1 млн хозяйств. В Удмуртии развитие колхозного движения с октября 1928 г. по 31 декабря 1930 г. увеличилось с 1,5 до 22%. Если в конце 1928 г. число колхозов имелось 160, объединявших 1 775 хозяйств, то в конце 1930 г. – 1 002 колхозов, объединявших 17 558 хозяйств [39].

Необходимо отметить, что 1929 г. был годом великого перелома не только в колхозном движении, но и окончательной ликвидации на местах общинного самоуправления.

Отмечая успехи в области создания «народных» Советов на местах, коллективизации сельского хозяйства, И.В. Сталин отмечал: «Речь идет о коренном переломе в развитии нашего земледелия», и далее «теперь у нас имеется достаточная материальная база для того, чтобы ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс. Вот почему мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса [40]. С 1 февраля 1930 г. Советское правительство узаконило меры ликвидации кулачества как класса и дало на места развернутую директиву по этому вопросу.

Каковы же основные черты искоренения инакомыслящих? Во-первых, это позволило создать «партийное государство», где единственная политическая партия, обладая полнейшей монополией на власть, узурпировала все государственные функции, используя для этого централизованный механизм бесконтрольный как со стороны трудящихся, так и подавляющего большинства членов самой партии, которая стала не политической общественной, а государственной организацией. Партия осуществляла полное руководство всеми элементами политической системы. Поэтому по-своему был прав И. Сталин, когда на XVIII съезде ВКП(б) констатировал «полную устойчивость внутреннего поло-

жения и такую прочность власти в стране, которой могло позавидовать любое правительство в мире».

Во-вторых, абсолютный партийно-государственный диктат в экономике, сверхцентрализованное управление сферами производства и распределения материальных ценностей на базе одной формы собственности. Во главу угла был поставлен принцип приоритетности «государственного блага», интересы и потребности личности игнорировались. Хозяйство Союза развивалось исходя из основ политической, идеологической необходимости, а не экономической целесообразности.

В-третьих, партийно-государственный контроль над социалистической сферой. Все категории населения имели право на существование лишь при условии их подчиненности интересам системы, определенным политическим руководством и являющимся обязательным для исполнения. Утвердилась единая идеология «партийность». Партийно-государственная номенклатура получила возможность законно выступать от имени общества, всего народа.

Рассматривая далее влияние Лудорвайского дела на развитие общественных отношений России и в целом Союза ССР, необходимо отметить следующее. Если, начиная с Конституции Бельгии (1831 г.) был юридически узаконен основной элемент политической системы – местное самоуправление, которое развивалось в странах Запада, в том числе и США, на основе общинного самоуправления, то в Союзе ССР этот элемент считался буржуазным явлением, не свойственным социалистическому строю. Лишь возрождение демократического правового государства (п. 1 ст. 1 Конституции РФ) позволило закрепить основу местного самоуправления в России (ст. 12 Конституции РФ).

Развитие самосознания, правосознания, правовой культуры в России, как отмечают ученые, отстает от стран Запада на 150–200 лет. Сказывается десятилетиями (начиная с 1929 г.) выработанная «партийность» в развитии основных элементов общественного устройства, в правосознании граждан. Поэтому сегодня с трудом возрождается местное самоуправление на местах. Более детально это явление автором изложено в монографии «Местное самоуправление в Удмуртии» [41].

Список литературы

1. Ввиду того, что коренное население Вотской автономной области в историческом и этнографическом отношении является удмуртским народом, постановлением Президиума ВЦИК от 1 января 1932 г. Вотская Автономная область была переименована в Удмуртскую Автономную область (См.: Войтович В.Ю. Развитие правового статуса Удмуртии в составе России. 1920-2000. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 4.
2. Войтович В.Ю. Синдром партийности. Репрессии и их последствия для России (на примере Удмуртии). – Ижевск, КнигоГрад, 2010. – С. 83.
3. Там же.
4. Там же. С. 138.
5. Вернадский Г.В. История права. – СПб, 1999. – С. 99; Яковлев К.Л. Общественное самоуправление в России: история и современность // Местное самоуправление: история, современность, перспективы. – М., 2001. – С. 75.
6. ПСЗ. 1-е собр. Т. XXVII. № 20620.
7. Яковлев К.Л. Указ. Соч. С. 74.
8. Там же.
9. ПСЗ. – 2-е собр. – Т. XIII. – Отд. 1. – № 11189.
10. Яковлев К.Л. Указ. Соч. С. 75.
11. Войтович В.Ю. Государственность Удмуртии: История и современность. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 23–42.
12. Главатских С. От Лудорвая к сплошной коллективизации. Ижевск, 1931; Кондратьев Н.И. Лудорвай. Ижевск, 1961; Куликов К.И. Удмуртская автономия. Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990; Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. Ижевск, 1993; Никитина Г.А. Сельская община – буксель – в пореформенный период (1861–1900). Ижевск, 1993; Удмуртская община в советский период (1917 – нач. 30 гг.). Ижевск, 1998; Родэн Д. Лудорвайское дело. М-Л., 1929; Шибанов К.И. Социалистическое преобразование удмуртской деревни. – Ижевск, 1963.
13. Войтович В.Ю. Синдром партийности. Репрессии и их последствия для России (на примере Удмуртии). – Ижевск, КнигоГрад, 2010. – С. 86.
14. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч.- Т. 33. С. 24.
15. Там же. С. 7.
16. Войтович В.Ю. Указ. Соч. С. 86.
17. Там же. С. 87.
18. Верт И. История советского государства. 1900–1991 / пер. с фр. – 2-е изд. – М.: Пресс-Академия, 1994. – С. 19. Тихонов В.А. Предисловие к роману Б. Можаява «Мужики и бабы». «Дон». – 1987. – № 1. – С. 20–21.
20. Войтович В.Ю. Указ. соч. С. 88.
21. Там же.
22. Войтович В.Ю. Конституционно-правовые основы Удмуртской автономии в 30-е годы XX в. – Ижевск, 2003. – С. 62.
23. Войтович В.Ю. Синдром партийности... С.89.
24. Там же.
25. Там же. С. 90.
26. Там же.
27. Ижевская правда. – 1928. – 18 декабря. – № 293; 19 декабря.- № 294; 20 декабря. – № 295.
28. Там же. 18 декабря. – № 293.
29. Там же.
30. Там же. 1929. – 8 января. – № 6.
31. Там же. 1931. – 24 апреля. – № 91.
32. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое. – М., 1939. – С. 290.
33. Там же. С. 292.
34. Активист. Двухнедельник Вотского обкома ВКП(б). – 1928. – 25 сентября. – № 10. – С. 13–18; 25 ноября – № 4–5. С. 3–4; 20 декабря. – № 6. – С. 25–30.
35. Там же. № 6. – 1928. – 20 декабря. – С. 30.
36. Ижевская правда. – 1928. – 9 декабря. – № 286–290; 18 декабря. – № 293; 19 декабря. – № 294; 1929. – 4 января. – № 3; 8 января. – № 6 и др.
37. Там же. 1929. – 8 января. – № 6.
38. Войтович В.Ю. Указ. соч. С. 96.
39. Там же. С.97.
40. Сталин И. В. Указ. соч. С. 268–292.
41. Войтович В.Ю. Местное самоуправление в Удмуртии. – Ижевск: КнигоГрад, 2010. – 430 с.